

Опасное усердие реформаторов

Все новации они объясняют «горячим» желанием повысить качество образования

Уже который год российское образование и высшая школа, в частности, живут в условиях осядающего положения, едва успевая отражать удары то одного, то другого министерского решения. А сейчас над вузами, как дамоклов меч, нависла угроза реализации пресловутой реформы. Каковы ее основные «постулаты»? К 2008 году российские вузы должны полностью перейти на двухуровневое образование: бакалавриат и магистратуру. В качестве вступительного испытания повсеместно будет использоваться единый государственный экзамен, результаты которого напрямую увязываются с финансированием обучения каждого абитуриента по так называемым государственным именным финансовым обязательствам (ГИФО). Чем выше балл сертификата ЕГЭ, тем большую сумму государство сможет выдать этому студенту на каждый год обучения, и наоборот, чем ниже балл, тем меньше сумма. Но и это еще не все «перлы». Реформа предполагает значительное сокращение имеющихся вузов, примерно по такой схеме — 20 национальных университетов, 100–120 — федерального подчинения, а также всех остальных вузов реформаторов меньше всего волнует. Они должны самостоятельно искать пути выживания. И все эти нововведения объясняются «горячим» желанием столичных чиновников повысить качество образования.

Стоит ли ломать признанную систему подготовки специалистов?

Большинство своем стали частными, и деньги там экономить научились. Если же бакалавр воспользуется предоставленным правом и попытается поступить в аспирантуру, то столкнется с новым противоречием: он обучался по направлению, а экзамены должен сдавать по конкретной научной специальности, которой попросту не знает. Вновь несогласованность.

Степень магистра, естественно, получает тот, кто намерен поступить в аспирантуру, стать научным работником, преподавателем. А таких надо не более 10–12 процентов. Если же их массово готовить, то где они будут работать? На производстве? И с оплатой их обучения тоже вопрос не решен. Сплошные противоречия.

А вместе с тем, союз ректоров, учитывая и Болонские декларации, и национальные традиции, предлагает ввести многоуровневую подготовку: бакалавр-специалист-магистр. Это более гибкая система — бакалавр после завершения обучения может пойти работать, если будет востребован, либо продолжит обучение по другому заинтересовавшему его направлению или как специалист. Тогда и магистратура для него — уже не заоблачные мечты, а осязаемая реальность. Специалист — он всегда будет востребован нашей промышленностью. И не надо будет ставить подготовку такого штучного «товара», как магистр, на поток, а как положено, выпускать их только для будущей научной и преподавательской деятельности.

Итак, Болонский процесс не имеет целью разрушить национальные образовательные традиции, а лишь привести в соответствие по определенным общим критериям выпускные документы для их свободного хождения в создаваемом общеевропейском пространстве высшего образования. Поэтому непонятно такое буквальное его понимание нашими министерскими чиновниками. Ведь что для России значит специалист? Это и все специальные выпускающие кафедры, и прикладная наука, и широкая когорта маститых ученых. Перечеркивая же специалистов, тем самым министерство перечеркивает и это национальное достояние. Нельзя допустить такого губительного для отечественной высшей школы решения. Это понятие не только работников вузов, но и студентов, которые о своем несогласии с реформами уже проголосовали массовыми демонстрациями в Москве, Красноярске, северных городах нашей страны. А вообразите себе, что будет, если поднимется все российское студенчество!

Если же у государства сегодня нет необходимых средств на финансирование высшего образования и оно не желает тратить деньги на подготовку специалистов для предприятий, которые в большинстве своем стали частными, то можно найти другие способы. Например, позволить включить расходы на подготовку кадров в затратную часть предприятий или ввести целевое распределение выпускников с оплатой их обучения потребителями, или предоставлять беспроцентные кредиты или что-то другое. Главное, попытаться сохранить гордость российского образования — подготовку квалифицированных инженерных кадров. Ведь не отказываются от этого такие страны-участницы Болонского соглашения, как Германия, Бельгия, Австрия, Польша и другие!

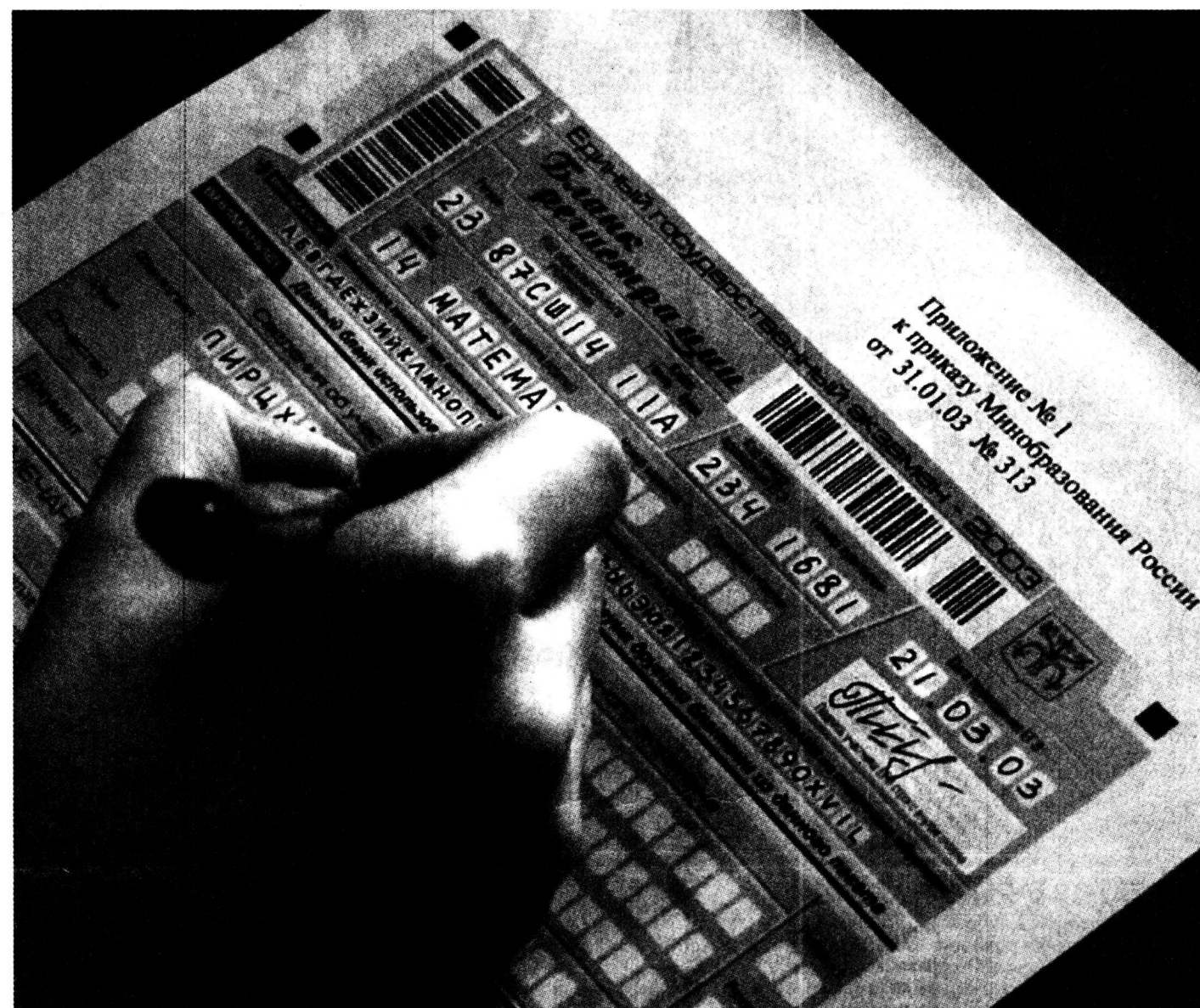
А теперь вновь вернемся к качеству образования. Похоже, что чиновники надеются получить его в результате предлагаемых реформ. Но разве можно всерьез связывать это с переходом на двухуровневую или какую-либо другую систему подготовки? Чтобы получить качество, надо потратить: оно в основном зависит от того, какую заработную плату получают преподаватели и учителя. Ни для кого не секрет, что сейчас очень сложно комплектовать кадровый состав учебных заведений по причине мизерных окладов. А тем же, кто занят в образо-

вательной сфере, приходится работать на две-три ставки, брать подработку, чтобы иметь сносные средства к существованию. Но при такой нагрузке разве можно рассчитывать на качественную подготовку? Поэтому первое, с чего следует начинать реформы, если предполагать получить высокое качество обучения, — это повысить заработную плату учителей и преподавателей. Ведь если оглянуться на исторический опыт только нашей страны, то мы убедимся, что на образовании у нас никогда не экономили. Вспомним Петра I, который ничего не жалел для образования. А совсем недавнее прошлое. Великая Отечественная война — стоит вопрос: быть нашей стране или не быть, но на студентов и преподавателей распространена бронь, их не призывают на фронт — нужны образованные люди. А после войны. Полстраны разрушено, столько средств нужно, чтобы ее поднять, но на образовании ни одной копейки не экономят. Тогда думали, заботились о будущем государства, а сейчас?

Далее. Если чиновники действительно беспокоит качество подготовки выпускников вузов, то как могла возникнуть идея полного перехода на безальтернативную форму вступительных испытаний — единый государственный экзамен, от участия в котором высшие учебные заведения отстранены. Нас же принуждают на входе брать кот в мешке, что же тогда мы получим на выходе? Ведь если раньше мы сами экзаменовали абитуриентов, то тем самым брали ответственность за каждого из них. А сейчас это делают школьные учителя, которые их учили. Ну кто же добровольно распишется в собственном непрофессионализме? И это не голословное заявление. Мы проанализировали результаты первой (школьной) и второй (вузовской) волны ЕГЭ: сравнивали средние баллы ЕГЭ и аттестата по сопоставимым дисциплинам. Исследования проводились среди выпускников школ 2004 года из 19 регионов и городов. Оказалось, что при сдаче ЕГЭ первой волны в девяти районах и городах наблюдается отклонение в сторону увеличения средних баллов, причем в пяти из них оно составляет от 5 до 10 процентов. В то время как во второй (вузовской) волне отклонение наблюдается только в сторону уменьшения. И в целом они ниже результатов школьной волны. Разве эти факты не заставляют задуматься о чистоте проведения единого государственного экзамена, осуществляемого в школах, где, естественно, заинтересованы в высоких показателях своей работы.

Сейчас идет крупномасштабный эксперимент по применению ЕГЭ. Челябинская область выразила согласие на участие в нем, причем в прошлом году по этой форме проходили вступительные испытания абсолютно по всем специальностям вузов. Но вот участников эксперимента, абитуриентов забыли спросить об их согласии на участие в нем. Между тем статья 21 Конституции РФ гласит: «Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам». Таким образом, главный участник ЕГЭ, выпускник школы, выступает в качестве объекта эксперимента, а должен быть его полноправным субъектом. Налицо грубое нарушение Основного закона нашей страны. И не единственное. Согласно статье 55 Конституции РФ «В РФ не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина». Тогда как приказ о введении ЕГЭ — тот самый подзаконный акт, который ущемляет права школьника: ранее он мог после выпускных экзаменов подготовиться и предпринять попытку сдать вступительные испытания в вуз. Сейчас ему предоставили возможность только на один экзамен — и выпускной, и вступительный.

К преимуществам ЕГЭ приписывается доступность для всех высшего образования. Сегодня, когда начали появляться уже первые «плоды» этого эксперимента, можно проверить справедливость такого заявления. В этом году в МГТУ при выходе на сессию у половины студентов-экономистов — традиционно наиболее сильного контингента — по одной, а то и две «двойки». Этого никогда прежде не было, у них и «тройка» — была редкостью. А все потому, что к нам приезжают из малых городов, районов и привозят сертификаты по ЕГЭ с такими высокими баллами, что вправе претендовать на любую специальность, а к крепким знаниям, как потом обнаруживается, за этим не стоит. Мы тщательно готовим абитуриентов в лицее, ШДО, на подготовительных курсах. А потом их оставляют «за бортом» вот такие ребята из сел и деревень. Ну где же тут заявленная доступность и объективность ЕГЭ? Скорее, наоборот. Таким образом, преимущество этой формы весьма спорно, но московское чиновничество отстаивает его с поразительным упорством. Так, может, дело совсем в ином, например, в средствах, которые выделяются на его проведение, причем информация об их объемах «скромно» умалчивает-

ся. Но они по досадной «случайности» до регионов так и не доходят.

Негативно сказывается на качестве подготовки специалистов и такой распространенный сегодня факт, как увеличение числа школ с разными уклонами, например, экономическим. (Хотя причина их появления очевидна — школы пытаются найти средства для выживания, ведь заработная плата учителей — мизерная.) На каждом совещании поднимается вопрос о том, что дети у нас перегружены. Но если это так, то за счет каких часов ему дают дополнительные занятия? Чтобы помочь профессионально ориентироваться? Но для этого существуют другие формы. В нашем вузе, например, проводятся дни открытых дверей для школьников, встречи с преподавателями, в городе — ярмарки профессий. А иначе ребенок в школе получает знания сверх программы, а по общеобразовательным предметам — не в полном объеме. Потом, если он поступает в вуз, то начинает повторно получать ту информацию, которую ему давали в школе — дублирования в этом случае не избежать. У него пропадает интерес к учебе. Зачем это? Среднее звено не следует специализировать, его назначение — дать крепкую общеобразовательную подготовку, по которой, кстати, должен существовать жесткий государственный стандарт, регламентирующий число часов и объем необходимого материала по каждому школьному предмету. Уже около 20 лет школы работают без него. Сейчас такой стандарт появился только по математике, и качество его вызывает серьезные нарекания специалистов. Если же все останется, как есть, то приемная программа вуза всегда будет значительно отличаться от выпускной в школе. И ребенок будет сталкиваться с большими сложностями при поступлении в вуз, что усложняет доступность высшего образования, а не форма вступительного испытания, и возлагает надежду на ЕГЭ, как панацею от неудач при поступлении в вуз, просто абсурдно. Тем более что эксперимент с ЕГЭ становится причиной зарождения очень серьезного образовательного порока: в старших классах учителям приходится отступать от традиционных учебных программ и переходить на банальное натаскивание школьников по различным тестам, готовя их к предстоящим испытаниям — единому государственному экзамену. Поэтому, если уж нашим министерским чиновникам так дорога именно эта форма вступительных экзаменов, то пусть она остается, но наряду с другими, чтобы все-таки абитуриент имел право выбора.

И тогда, возможно, не придется делать следующего, предусмотренного реформаторами, шага, губительного для высшей школы: перехода на подушевое финансирование студентов, то есть государственное именованное финансовое обязательство (ГИФО). В этом случае денежное содержание студентов устанавливается в зависимости от результатов ЕГЭ по категориям. Например, в 2003 году оно было следующим: 1 категория (81–100 баллов ЕГЭ) — 12,5 тысячи рублей; 2 категория (69–80 баллов) — 7,2 тысячи рублей; 3 категория (53–68 баллов) — 3,0 тысячи рублей; 4 категория (44–52 балла) — 2,0 тысячи

рублей; 5 категория (35–43 балла) — 0,7 тысячи рублей. Таким образом, финансирование вузов предполагается осуществлять по результатам работы школы. Разве это не парадоксально? При этом не вызывает сомнения, что студентов первой-второй категорий получают, в основном, столичные вузы. А регионы, как показали результаты исследований в Самарской, Ростовской и Челябинской областях, могут рассчитывать только на треть-четвертую — с результатами, соответствующими первой и второй категориям, к ним поступит ничтожно малое число студентов. При анализе итогов прошлого года в МГТУ оказалось, что если бы наш вуз финансировался по ГИФО, то он бы недополучил 28,28 процента бюджетного финансирования. В этих условиях университет вынужден либо сокращать прием до 697 человек (сейчас он равен 1300), либо увеличивать стоимость обучения коммерческих студентов на 15 процентов. Первое невозможно, потому что внебюджетная статья сократится настолько, что мы будем не в состоянии покрывать расходы, связанные с коммунальными услугами, капитальным ремонтом и другими направлениями. А второе невыполнимо из-за низкой платежеспособности населения. Кроме того, переход на ГИФО существенно ударит по качеству образования. Ведь каждый из нас по личному опыту знает, что школьный отличник далеко не всегда так же успешен в вузе, а вчерашний троечник, став студентом, преобразается, как гадкий утенок в лебедя, демонстрируя блестящие результаты. Но ГИФО с самого начала и на все годы учебы в вузе определяет для каждого один-единственный уровень финансирования, вне зависимости от успешности студента. Разве это разумно?

И, наконец, сакральная идея московских чиновников, озвученная еще Гайдаром, о сокращении числа федеральных вузов. В предлагаемой реформе она приобрела такое звучание: государственные вузы перевести в другие системы подчинения. В какие — пока не оговаривается, но, в первую очередь, предполагаются муниципальные. А это, можно сказать сразу, неподъемный груз для местных бюджетов, о чем свидетельствует плачевная судьба многих лицеев, колледжей и техникумов, которые после такого перевода вынуждены были закрыться. Но даже если часть из этих отверженных найдет средства для существования, у реформаторов для них заготовлена еще парочка-другая «сюрпризов». Министерство регламентирует вузам введение системы качества. В связи с этим вновь будут пересмотрены аккредитационные показатели в сторону повышения уровня контрольных цифр. И уже сейчас понятно, что их изменение будет учитывать, прежде всего, интересы московских вузов. Так, если раньше многие региональные вузы могли дать несколько оценок вперед своим московским коллегам по темпам подготовки кадров высшей квалификации, то теперь показатели, характеризующие это направление, хотя и уберут из общего списка. Например, докторантуру из обучающего процесса уже изыли. На очереди — диссертационные советы. На них будут обращать внимание только в университетах и то, очевидно, лишь в

тех, которых оставят в числе федеральных. Зато намерены ввести новый критерий — средний балл ЕГЭ. Но здесь и ребенку понятно, у кого он будет выше — ведь в Москву все «сливки» едут. Если уже так притягательна идея сокращения вузов, так не лучше ли обратить свои взоры на всевозможные филиалы, которых в последнее время стало несчетное количество. В большинстве своем они готовят экономистов, психологов, юристов, то есть тех специалистов, которыми и так перенасыщен рынок труда. Тем более что ни одному филиалу не под силу обучать с тем же качеством, что и действующие университеты. Зато намерены ввести новый критерий — средний балл ЕГЭ. Но здесь и ребенку понятно, у кого он будет выше — ведь в Москву все «сливки» едут. Если уже так притягательна идея сокращения вузов, так не лучше ли обратить свои взоры на всевозможные филиалы, которых в последнее время стало несчетное количество. В большинстве своем они готовят экономистов, психологов, юристов, то есть тех специалистов, которыми и так перенасыщен рынок труда. Тем более что ни одному филиалу не под силу обучать с тем же качеством, что и действующие университеты.

А перед тем как так экстремально решать судьбу огромного числа крепких вузов, надо серьезно подумать о последствиях. В условиях тотального сокращения средних специальных учебных заведений еще и по-прежнему под угрозой закрытия институты и университеты — это значит совершенно не брать в расчет судьбу молодежи, которая, по сути, будет выброшена на улицу. И что же тогда будет? Можно представить.

А какова же позиция министерства образования Челябинской области по отношению к предлагаемым столичными чиновниками нововведениям? Увы, далеко не патристичная. Несмотря на то, что практически все учителя, преподаватели, ректоры вузов — словом, все специалисты против такой реформы, наше министерство спешит засвидетельствовать свою верноподданническую преданность Москве мгновенным исполнением всех ее предписаний. Неужели им непонятно, что навязываемая реформа в конечном итоге — путь к платному образованию. А это разрушение всей системы. Поскольку в условиях непрерывного повышения цен на все товары и продукты питания, тарифы коммунальных и транспортных услуг чрезвычайно малое число семей в состоянии будет оплачивать обучение своего ребенка. И что же будет поднимать экономику нашей страны, если выпуск специалистов практически прекратится?

В свете всего выше сказанного создается впечатление, что идет планомерное и непрерывное разрушение социальной сферы. А если прибавить к этому то, что происходит в промышленности: энергетике, машино- и автомобилестроении, на химических предприятиях, в сельском хозяйстве, то возникает ощущение, что нас превращают в сырьевую базу. Подтверждением тому служит заявление Грета на последней передаче у Познера о приоритетном развитии в России тех направлений, что связаны с добычей сырьевых ресурсов и транспортировкой их зарубежным заказчикам. И чтобы до конца довести дело, решили оставить страну даже без собственных специалистов. Вот к таким мрачным выводам приводит предлагаемая реформа.

Борис НИКИФОРОВ, ректор Магнитогорского государственного технического университета, заслуженный деятель науки и техники РФ, депутат Законодательного собрания Челябинской области.

ММ-досье

НИКИФОРОВ Борис Александрович

Родился 2 августа 1937 года. В 1961 году окончил МГИИ имени Г. Носова. С 1961 по 1965 год работал в сортопрокатном цехе ММК подручным вальцовщика, вальцовщиком, начальником смены, старшим мастером. После окончания аспирантуры МГИИ в 1968 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1979 — докторскую, имеет ученое звание профессора. Ректор Магнитогорского государственного технического университета с 1989 года, заслуженный деятель науки и техники РФ, почетный работник высшего образования России, почетный гражданин Магнитогорска, трижды лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники. С 1995 года — советник генерального директора ОАО «ММК». Член-корреспондент секции «Металлургия» Российской инженерной академии, член Академии проблем качества, действительный член Нью-Йоркской академии наук, депутат Законодательного собрания Челябинской области с 2000 года, президент баскетбольного клуба «Металлург-Университет».

